

Рисунок Людмилы Одинцовой.

И О, МОЙ И О

Татьяна **ТОМАХ**.

*Не боишься узнать, кто ты?
Тогда посмотри на свою правую ладонь.
Видишь на ней линию жизни? —
Да\Нет.
Смотришь результаты опроса — Да\Нет*

Здорово, когда у тебя день рождения. Даже если ты — единственный ребёнок на планете. «Впрочем, — подумала Агата, — больше не ребёнок. С сегодняшнего дня — тоже взрослая». И улыбнулась.

— Мам, — она сонно приоткрыла один глаз. — Сегодня можно не учиться?

Рассказ получил специальный приз редакции журнала «Наука и жизнь» на конкурсе «Созвездие Аю-Даг», 2012.

— Леня — один из самых скверных пороков, девочка.

Агата знала наизусть все оттенки маминого голоса. Этого можно было не слушаться.

— Не порок, а двигатель. Прогресса, — заявила она, спрыгнула с кровати, закачалась на одной ноге, нашаривая второй тапок.

— С днём рождения, дорогая, — мама обняла Агату, легонько похлопала по спине. — Подарок на столе.

— Спасибо, ма. А можно сегодня покататься на Мэнни?

— Про вездеход говорят не «на», а «в».

— Да, мам.

● **ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ**

Мэнни придумал Карл. И ещё нашёл для Агаты старый мультик про смешного и немножко грустного мамонта. Что, не бывает так, чтобы одновременно и смешной и грустный? Ещё как бывает. Например, сам Карл.

Карл, как всегда, работал с Софьей в лаборатории.

— Доброе утро, Агата, — ровным голосом сказала Софья, не отрываясь от своих чашечек Петри. — Хочешь конфету?

— Соглашайся, — посоветовал Карл, подмигивая из-за её спины, — лучший экспериментальный образец. Леденец с зубами, кто кого укусит раньше.

— Старая шутка, — фыркнула Агата, но всё равно улыбнулась. И взяла конфету. На этот раз попала лимонная.

Позавтракала Агата в саду. Украдкой от мамы сорвала почти созревший помидор. Помидоры, правда, были и в салате, но с ветки-то — вкуснее. Скармила рыбкам в пруду половину бутерброда. Карпы поднимались со дна, почти не двигая хвостом, огромные, тёмные, как доисторические динозавры, и плотоядно смотрели на Агату выпученными глазами.

После завтрака мама заторопилась в переговорную — открывалось окно, можно было поболтать с тётей Ирой. А Агата заторопилась в зоопарк к Веронике Андреевне. Помогла кормить птиц, поиграла с крольчатами — смешными и пушистыми. Они сначала, как всегда, сидели смиренно, испуганно прижав ушки, а потом, привыкнув к гостю, носились вокруг, сталкиваясь друг с другом и взбрыкивая длинными ногами. Агата просидела бы с ними весь день, но её ещё ждал Мэнни.

Карл в очередной раз объяснил, как обращаться с вездеходом и что делать, если он вдруг остановится.

— Да знаю, знаю, — нетерпеливо перебила Агата, упаковываясь в защитный костюм. — Ты это уже всё говорил.

И они поехали. Через страшно шипящий шлюз, через полутёмный, тревожно моргающий красными лампочками коридор.

— Ух ты! — воскликнула Агата. Она так и не смогла привыкнуть к тому, как это красиво. Умница Мэнни остановился, максимально открывая для обзора свой купол.

Агата замерла, затаив дыхание. Странно — если бы её попросили рассказать, что здесь такого, она бы не сумела. Песок и камни. Рваные изломы кратеров. Глубокие сиреневые тени, нежно-алое сияние. Бесконечная равнина, уходящая к горизонту. Тишина. Воздух в Агагином скафандре был совершенно тот же, что и раньше, на станции.

Но Агата как будто чувствовала ветер, играющий с рыжей мерцающей пылью, — губами, лёгкими, кожей. словно сама превращалась в этот ветер и летела, поднимаясь выше и выше над крошечной песчинкой вездехода крылатым, невесомым и всеильным существом...

Карл, наверное, чувствовал то же самое, потому что молчал вместе с Агатой, долго вглядываясь в горизонт.

И только на обратном пути, оборачиваясь, сказал:

— Самая красивая пустыня, которую я видел.

— А ты много видел пустынь?

— Не хихикай, девочка с Марса. Ты уж точно не видела ни одной, кроме этой.

Наверное, Агата могла бы назвать Карла самым лучшим другом. Не считая Мэнни, конечно. С Карлом интересно. Он знает тысячу разных шуток и историй. И хотя иногда повторяется, это всё равно смешно. Но самое классное — с ним можно вот так просто сидеть рядом и смотреть, например, на пустыню Марса. И не говорить ни о чём. Засыпая, Агата подумала: «Почаще бы были всякие праздники».

Она ещё не знала, что это последний такой день. Безмятежного Агагиного детства. Счастливого и ненастоящего.

— Агата, — торжественно сказала мама. — Вчера тебе исполнилось четырнадцать лет. Теперь ты совершеннолетняя. И я должна тебе сказать...

Агата с интересом и гордостью разглядывала паспорт — блестящий металлический жетончик с красивым узорчиком по ободку. «Взрослая, — подумала она. — Могу работать и получать деньги. Могу поступить в университет. Могу полететь на Землю. Посмотреть всё то, о чём рассказывал Карл». Она так увлеклась, что не заметила странного молчания.

Подняв голову, Агата посмотрела на маму. Та сидела неподвижно, сложив руки на коленях и молча глядя перед собой.

— Мам? — растеряно позвала Агата.

— Обработка исключения, — вдруг сказала мама незнакомым мелодичным голосом.

— Что?

Агата заметила, что мама говорит, не размыкая губ, то есть говорило что-то внутри неё.

Сначала Агата потянулась к ней, а потом отшатнулась, испугавшись застывшего лица, взгляда и незнакомого голоса. Сползла по дивану на самый краешек, вцепилась

пальцами в обивку. Горло пересохло, ноги и руки заледенели. Происходило что-то очень неправильное.

Тут внутри мамы опять заговорил голос. Почти прежний, живой, но торопливый и сбивчивый.

— Черновик. Позже доработаю эту ветку. Агата, девочка, если ты это слушаешь, значит, тебе уже четырнадцать. Значит, ты выросла, и ты здесь одна. Никого из нас не осталось, и никто за тобой не прилетел. Да нет, ерунда, так не может быть.

Быстрый, живой смехок, какого Агата никогда не слышала от своей мамы. Мамы? Она посмотрела на неподвижно застывшую женщину, внутри которой говорил торопливый голос.

— ... Ну ладно. Так. Слушай меня. Ты теперь взрослая. Значит, ты можешь сама выбраться отсюда. Скажи Марку, пусть настроит транспорт для возвращения на Землю. Ты теперь знаешь, что это не Марк, а его ИО. Что такое ИО? Поищи в базе, у тебя сейчас есть паспорт и доступ ко всей информации. Если ты меня сейчас слышишь, значит... значит, Герман никому не доложил про эпидемию. Трус. До последнего делал вид, что всё в порядке. В общем, если ты здесь, значит, действительно никто ничего не знает. Значит, ИО Германа исправно отправляет отчёты. А там кто-то их принимает. Бред какой-то. Столько лет? И что, даже Ирка не поняла, что общается не со мной, а с моим ИО? Я уже это, правда, проверяла. Она не поняла. Ладно, я отвлеклась. Значит, мы все умерли в изоляторе. Понимаешь? Ты здесь одна и тебе надо выбираться. Свяжись с Землёй... Хотя, нет. Не надо. Если ты им расскажешь, проведёшь полжизни в лабораториях. Они тут нас бросили, так что... Просто улетай на Землю. Можешь пользоваться моим счётном, твои отпечатки в базе. Свяжись с тётёй Ирой. Она поможет. Ей можешь всё рассказать. Ну как захочешь. Давай, теперь иди. Просто живи. Поняла? Живи за нас обоих. Как я не успела.

Агата сидела, сжавшись в напряжённый комочек, вцепившись пальцами в край дивана. Слушала дыхание и далёкое покашливание из плотно сомкнутых губ своей мамы. Нет, не мамы. Мама умерла. Давно. От какой-то эпидемии. В изоляторе. ИО. Имитация?

А потом Агата услышала: «Я тебя люблю». И щелчок. Конец записи. Имитация мамы моргнула. Повернула голову. Спросила обычным голосом:

— О, уже пол-одиннадцатого, тебе не пора завтракать?

ИО. Автономный искусственный организм. Исполняющий обязанности владельца. Раньше была такая должность — заместитель. Когда кто-нибудь важный уезжал в отпуск или заболел, его место занимал заместитель. ИО придумали сначала специально для марсианской экспедиции. Живые люди слишком дорого обходятся в таких условиях. А роботы первых поколений, неуклюжие железяки с ограниченным набором программ, годились разве что на роль помощников, но никак не заместителей.

То ли дело ИО. Моделируемая оболочка поверх стандартного металлического скелета, возможность настройки моторики, голоса, психоэмоциональной матрицы. Пара дней тестирования владельца для изготовления слепка — и, опа, готова его точнейшая идеальная копия. Пока не разрежешь тонкий слой силиконовой кожи, не разберёшь, где владелец, а где ИО.

Агата читала весь день и почти всю ночь. Сморгивала слёзы, застывшие взгляд — от усталости конечно же; вытирала глаза рукавом, всхлипывала и опять возвращалась к монитору. У неё был теперь доступ ко всей сети станции — серебряный жетончик, знак совершеннолетия.

Приходила мама звать на обед. Потом на ужин. Потом строго велела Агате отправляться спать.

Агата её выключила. Проще простого. Нужно только быть совершеннолетней и дееспособной. То есть совсем выключить или перепрограммировать ИО мог только владелец или специалист службы поддержки. Но любой человек мог поставить ИО на паузу в общении.

Теперь мама стояла, придерживая рукой дверь, приоткрыв рот и повернув голову к Агате. Если снять паузу, она закончит начатую несколько часов назад фразу: «...авляйся спать». Потом, наверное, моргнёт, проанализирует системное время, переключит программу и предложит пойти завтракать.

Подумав об этом, Агата не выдержала и раслакалась.

— Ненавижу тебя, — крикнула она и ударила маму кулаком в плечо. Мама покачнулась, стукнулась затылком о дверь. Агата всхлинула.

— Что там у вас? — крикнул Марк через стенку. — Помощь нужна?

— Нет, всё в порядке, — ответила Агата так громко и спокойно, как могла.

ИО Марка — более новая модель. Улучшена адаптация и интерактивность — так значилось в описании. ⇨

Наверное, поэтому Агате с ним было интереснее.

Она заснула под утро, так и не добравшись до кровати. Свернулась на диване, неудобно поджав под себя ноги, чтобы согреться. Ей приснилось, что мама стоит над ней и говорит, не шевеля губами:

— Системная ошибка. Обработка исключений.

А потом её глаза начинают мигать красным, как тревожные лампочки в тоннеле перед выходом на поверхность. И она, наклоняясь, протягивает руки. Потому что теперь Агата — системная ошибка. Живая человеческая девочка среди искусственных организмов.

Агата проснулась, тяжело дыша, обливаясь холодным потом. И чуть не закричала, увидев маму напротив. Она стояла, придерживаясь за дверь, в той же самой позе. Ну конечно.

Агата перевела дыхание. И поняла, что больше не сможет здесь заснуть. Вообще. Что лучше она месяц будет болтаться одна в транспортном корабле на орбите и ждать подходящее время для полёта на Землю, чем хоть ещё на один день останется здесь...

Тётя Ира встретила её восторженно.

— Дочечка, милая, как я рада! — воскликнула, сжала племянницу в объятиях, с чувством расцеловала в обе щеки, всхлипнула и чуть отстранилась, жадно разглядывая Агату. — Боже, я и не надеялась тебя увидеть! Такая даль! Дочечка, дорогая! Как же ты добралась-то одна?

Агата сначала смутилась. А потом вдруг поняла, что ей просто непривычно. И восторг, и слёзы, и тяжеловатые тёплые тётины руки. Потому что она впервые видит живого человека.

Осознав это, Агата всхлипнула и уткнулась в нежную, пахнущую цветочными сладковатыми духами шею.

— Бедная дочечка, — растрогавшись ещё больше, лепетала тётя Ира и осторожно гладила племянницу по голове.

Ещё Агата поняла, что не сможет ничего ей рассказать.

Может, так и лучше. Может, со временем она сама забудет про эти последние два дня на Марсе... А лучше, вообще, всё время до этой, теперешней секунды, с которой начинается новая жизнь...

Сперва ей всё казалось непривычным и странным. Толпы людей на улицах. Магази-

ны, кафе, театры. Дома. Такие высоченные, что можно шею вывихнуть, глядя снизу на последний этаж.

Мальчик с собакой, который жил этажом ниже. Агата увидела его в лифте, когда в первый раз ехала домой вместе с тётей.

— Привет, — вежливо сказал мальчик в ответ на пристальный взгляд Агаты. Рыжий мохнатый пёс с интересом обнюхал её туфли.

— Дочечка, — мягко сказала тётя чуть позже, — не знаю, как у вас там, на Марсе, но у нас не принято так пялиться на людей, особенно незнакомых.

Агата смутилась.

— Я... э... ну, я никогда раньше не видела детей. И собак.

— О, — растерялась тётя, — извини. Не подумала.

В её глазах опять блеснули слёзы.

— Девочки, девочки, — дядя Дима обнял за плечи одной рукой Агату, другой — тётю Иру. — Не плакать. Ужин остынет. Я приготовил запечённую утку с фруктами, а?

— Спасибо, милый, — тётя Ира улыбнулась и поцеловала его в щёку. — Агаточка, в нашем доме готовит только мой муж, он просто гениальный шеф-повар!

— Именно, — дядя Дима подмигнул, — так что подумайте, что заказать на завтрак.

Агата вспомнила, что никто никогда не спрашивал её, что она хочет есть. И никто из тех, среди кого она провела детство, не умел плакать.

И впервые со своего последнего дня рождения она вновь почувствовала себя счастливой. Почувствовала, что она дома. Среди живых настоящих людей.

Осваивалась она постепенно. Гуляла по улицам. Сидела на скамейке в парке, готовилась к поступлению в университет, на исторический факультет, ходила на подготовительные курсы. Потихоньку привыкала, что вместо секретарши в деканате сидит ИО — длинноногая синеглазая блондинка с таким ненатурально идеальным лицом, что за живого человека её принять было сложно. Впрочем, Агата уже научилась немного в этом разбираться. ИО встречались иногда — продавщицы в магазинах, садовники в парке, служащие в госучреждениях.

Время от времени Агата смотрела с тётей Ирой сериалы и помогала ей править диалоги — тётя Ира писала сценарии для телевидения.

По субботам играла в шахматы с дядей Димой. Это было даже веселее, чем с

Карлом. Дядя Дима долго думал над ходом, хмурился, чесал затылок, становясь похожим на взлохмаченного сердитого попугая. Агата выигрывала у него примерно один раз из трёх, что её весьма воодушевляло, потому что Карл всегда ставил ей мат, рано или поздно. В конце концов Агата потеряла надежду когда-нибудь выиграть у него, и ей стало скучно. А с дядей Димой интересно, потому что он настоящий.

Со временем всё, что произошло на станции, всё больше отдалялось и забывалось. До тех пор, пока однажды Агата не вернулась домой после занятий раньше времени.

Входная дверь открылась бесшумно. Посреди кухни неподвижно застыл дядя Дима, неловко отведя в сторону правую руку с поварёшкой. Его обычно блестящие карие глаза были тусклыми и неподвижными. Напротив возился с маленьким монитором невысокий человек, выговаривал расстроенной тётё Ире:

— Ну что вы хотите, на эту модель апгрейтов уже не делают. Ещё раз советую заменить.

Агата на цыпочках вышла из квартиры, надеясь, что тётя Ира её не заметила...

Агата наткнулась на него случайно. Спустила пять минут сайт уже был удалён — за разжигание розни и поддержку агрессивных настроений в социальных сетях. Но Агата успела запомнить адрес. Первые два письма ушли будто в пустоту, на третье, длинное и умоляющее, через некоторое время прилетел ответ.

«Привет, девочка с Марса. У тебя интересная история и хорошие вопросы. Может, я смогу тебе на них ответить».

Они договорились встретиться в парке. Агата пришла пораньше. И потому, что очень волновалась: боялась опоздать, боялась не узнать своего виртуального собеседника, боялась ответов, которые он обещал. Она так долго думала об этих страхах, что у неё закружилась голова и желудок сжался в тугой холодный комок. И в какой-то момент она даже решила никуда не идти. Оставить всё как есть. Но потом поняла, что «как есть» уже не будет. Как если бы она тогда осталась на станции вместе с имитациями Карла и мамы и попыталась дальше делать вид, что они настоящие.

А ещё Агата полюбила парки. Роскошь, совершенно немислимая в тесных марсианских куполах. Яркие благоухающие клумбы, тенистые аллеи, нежный шелест листьев над головой, пляска теней и пятен света, сверка-

ющая солнечная мозаика. И редкие гуляющие — неизменно с рассеянной и счастливой улыбкой, фигуры и лица, будто сотканые из ветра, солнца, случайного движения листьев. Агата замирала, присев на край скамейки, и жадно впитывала в себя эти улыбки, свет и покой. Кажется, она чувствовала примерно то же, что тогда, когда с Карлом смотрела на марсианские пустыни...

— Привет, девочка с Марса, — сказал он совершенно так, как в письме, и уселся на скамейку рядом с Агатой. — Дай-ка сюда руку.

Агата успела только ахнуть, когда её палец обожгла на секунду гладкая холодная пластинка.

— Что? — возмутилась она, выдёргивая руку. — Что это вы делаете?

— Вот тебе первый ответ, — сказал, улыбаясь с довольным видом, незнакомец. Выглядел он странно. Узкоплечий и тощий, бесцветные брови, серые, металлического оттенка глаза, веснушки на остром носу. Некрасивый, поняла Агата, почему-то заворожённо его рассматривая. Она никогда раньше не видела некрасивых людей. Только в фильмах, на ролях неудачников и мелких злодеев.

— Какой... ответ? — опомнившись, переспросила она.

— Отпечатки. У них нет отпечатков, знаешь? Вот тебе ответ, как их отличить. Раньше можно было на глаз. По лицу, движениям, разговору. А в последнем поколении только это и осталось.

— Вы... ты... ты проверял, человек я или нет? — возмутилась Агата.

— Посмотри на них. Посмотри вокруг.

Агата послушно огляделась.

На скамейке напротив сидел старик — аккуратная белая борода, загорелое доброе лицо. Он читал книгу, но иногда отводил экран в сторону и смотрел с весёлым прищуром на чирикающую серую птаху на ближайшем дереве.

На следующей скамейке, шагов через двадцать, обнималась парочка. По аллее девушка медленно катила легящую колыбель, одной рукой придерживала платформу, другой — поправляла солнечный козырёк и, наклоняясь, напевала что-то нежное в тихий кружевной сумрак.

— Что? — изумилась Агата. — Что, они все...

— Я их всех чувю, — сообщил незнакомец, быстро тронув пальцем кончик острого веснушчатого носа. — Научился. Ну почти всех. Последних уже почти не отличить.

— А зачем...

Агата ошарашенно переводила взгляд. Девушка с коляской, старик, парочка. Зачем?..

— Спроси у тех, кто их сделал.

Его звали Овод. Он умещался в эту колючую кусачую клещку целиком и полностью, с неприветливыми металлическими глазами, острым подозрительным взглядом, обманчиво неторопливыми, но на самом деле стремительными движениями.

— Сама идея оказалась гнилой. Заместители. Не помощники, а заместители. Чуешь разницу?

Он опять тронул кончик носа, будто предлагая Агате по запаху определить спрятанный в словах смысл.

— Я читала, как всё начиналось, — кивнула она.

— Чушь! Уже всё вычистили. Из общей сети — точно. Историю пишут победители, слышала?

— А они что, победители? — дрогнув, спросила Агата.

— Кто же ещё? Знаешь, сколько сейчас осталось живых людей?

— Нет.

— Вот и я — нет, — от его взгляда Агате стало холодно. — Мало, очень мало. Может, вот только я и ты, а?

— Как...

— Заместители. Сперва их делали просто так. Мы так всегда — сперва что-то изобретём, а потом думаем о последствиях. Вот, скажем, водородная бомба... Или эти ИО. Тоже бомба. Персональная, для каждого. Искушение. Не решить проблему, а переложить её на заместителя. Сперва заменить себя самого, скажем, на нелюбимой работе. В гостях, куда не хочется, но надо идти, чтобы не обидеть родственников. Знаешь, что десять лет назад было целое движение о сохранении прав оригиналов при использовании ИО на рабочих контрактах владельцев? А знаешь, что потом началась официальная мода на спутников-ИО? Считалось неприличным, ну как бы нестатусным, если твой друг, подруга, муж, жена — просто человек. И потом, это так здорово, когда ты, наконец, можешь запрограммировать в спутнике именно те черты, которые тебе нужны для счастья...

— Моя тётя...

— Что?

— Моя тётя с ним счастлива. Кажется. Он и правда хороший...

— Вот. Об этом я и говорю. Победители. Чуешь? И знаешь, когда-нибудь они ещё перепишут историю так, что людям в ней просто не останется места...

— Почему ты так долго не отвечал? — спросила Агата, сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

— Что случилось?

— Моя тётя...

— Да?

— И мальчик с нижнего этажа, который гуляет с собакой. И...

— А я говорил.

— Что мне делать?

— Знаешь, — Овод смотрел на Агату внимательно и осторожно, будто боялся сказать ей что-нибудь не то. — Я подумал, может, всё так и должно быть.

— Что?

— Они ведь победители, да? Может, так и надо? Ведь ты, девочка с Марса, знаешь, что было раньше? Преступность, коррупция, воровство, убийства, болезни, нищета. Где-то больше, где-то меньше, но всегда оставались. Знаешь, почему, когда наши писатели пытались придумать светлое будущее, получались невозможные утопии? Почему, когда идеалисты пытались светлое будущее построить, получался мрак и ужас?

— Почему?

— Потому что для идеального будущего нужен идеальный человек. И вот теперь — в них заложили самое лучшее. Физическое совершенство. Верность, честность, преданность. Запрет насилия. Стремление помочь другому. Тебе ведь нравится мир сейчас? Гармоничный, прекрасный, совершенный. Нет убийств, преступлений, не уничтожаются леса и животные, не загрязняется вода. Может быть, это была наша задача? Создать совершенное существо? А теперь нам неловко, страшно, неуютно рядом с ними — потому что мы чувствуем свою ущербность. Свою слабость, уродство. Может, поэтому мы уходим один за другим? Потому что больше не нужны?

Агате вдруг стало страшно под пристальным задумчивым взглядом Овода.

— Знаешь, я тут узнал про самое последнее поколение. Способность чувствовать, а не имитировать эмоции. Анализ памяти и впечатлений. Способность к саморазвитию. Но для этого нужен толчок, эмоциональная встряска. Поэтому в их программы закладывают такие ситуации... Чуешь суть? Я тут подумал, странно, как это ловко у тебя получилось — улететь с одной планеты, прилететь на другую абсолютно самостоятельно...

— О чём ты... — пролепетала Агата.

— И с отпечатками пальцев у них всё в порядке. А значит, полные гражданские права. Не по доверенности оригинала. А сами по себе. Чуешь разницу? Уже не имитация. Окончательная замена. Только вот говорят, по ладони их можно отличить. Нет у них линии жизни. Ты не хочешь показать свою руку?

Агата замерла, испуганно съёжилась под острым взглядом Овода. Как зверёк поддулом ружья охотника. Она читала про такое в старых книгах. Про страх, боль и беспомощность умирающих зверей. И людей, которых убивали другие люди. Сейчас много спорили на эту тему — сохранять ли скверное и гнилое наследие прошлых времён. Память о самых гнусных пороках человека. Одни говорили — нет, общество вылечено от таких вещей, зачем лишний раз травмировать тех, кто больше не способен на это. Другие говорили — память нужна как прививка, как напоминание о границе, за которую нельзя ступать.

«Люди, — подумала вдруг Агата, с жалостью глядя на настрожённого неулыбчивого Овода, — люди ведь, по сути, так никогда и не умели быть счастливыми».

Вот тётя Ира — она много лет мечтала о мужчине, честном, верном, заботливом,

умном и что сделала, когда получила свою мечту? Сбежала, оставив вместо себя ИО?

Человек будто запрограммирован на несчастье. Жизнь преподносит ему подарки, один за другим, а он отшвыривает их и придумывает несбыточные мечты. Бесконечный цикл.

Если даже этот Овод понял... значит, так и есть?

Агата внимательно посмотрела в его глаза — уже без страха. Если даже сами люди это понимают...

Она пока придерживала свои руки. Правой — левую. Чтобы не открыть ладони раньше времени. Раньше, чем она поймёт.

«Что изменится, — подумала она, — если окажется, что я не человек?»

Нет, не так.

«Что изменится, когда я узнаю, кто я?»